

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-957-976
УДК 81'22

Научная статья / Research article

Юродство, потемневшие иконы и механизм забвения в контексте семиотической системы культуры

С.В. Герасимова

Московский политехнический университет
ул. Большая Семеновская, 38, Москва, Российская Федерация, 107023
metanoik@gmail.com

Юродство осмысляется в контексте семиотической системы культуры, в которой в отношении целого и части, отражающей универсальные принципы целого, находятся такие явления и символы, как, с одной стороны, космическая ночь, а с другой — советское богоборчество, забвение, потемневшая икона, юродство. Для анализа этих категорий приводятся примеры из творчества писателей, принадлежащих к золотой цепи русской духовной традиции.

Ключевые слова: Андрей Голов, Николай Кириянов, Галина Пыльнева, мать Руфина

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2019

Дата приема в печать: 20.06.2019

Для цитирования:

Герасимова С.В. Юродство, потемневшие иконы и механизм забвения в контексте семиотической системы культуры // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. no 4. С. 957—976. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-957-976

УДК 81'22

Foolishness, Darkened Icons and the Mechanism of Oblivion in the Context of the Semiotic System of Culture

S.V. Gerasimova

Moscow Polytechnic University
st. Bolshaya Semenovskaya, 38, Moscow, Russian Federation, 107 023
metanoik@gmail.com

Foolishness is understood in the context of a cultural semiotic system, where the proportional relation of the whole to the part reflecting the universal principles of the whole contains such phenomena and symbols as, on the one hand, a cosmic night, and on the other, oblivion, soviet theomachism darkened icon,

© Герасимова С.В., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

foolishness. For the analysis of these categories, examples are given from the works of writers belonging to the golden chain of the Russian spiritual tradition.

Key words: Andrei Golov, Nikolay Kiryanov, Galina Pylneva, nun Rufina

Article history:

Received: 01.06.2019

Accepted: 20.06.2019

For citation:

Gerasimova, S.V. (2019). Foolishness, Darkened Icons and the Mechanism of Oblivion in the Context of the Semiotic System of Culture. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(4), 957—976. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-957-976

Посвящается памяти матушки Феклы

Текст представляет контекст как некоторая часть — целое.

Лотман М.Ю. Семиотика культуры и понятие текста.

Часть гомеоморфна целому: она представляет

не дробь целого, а его символ

Лотман М.Ю. Проблема знака и знаковой системы

и типология русской культуры XI—XIX веков

Введение

Цель статьи — понять место в семиотической системе русской культуры такого духовного подвига, как юродство, и указать на его связь с механизмом забвения, потемневшими иконами, русским бунташестом и др.

Размышляя над механизмом забвения, отметим, что рождение письменности не только символ прогресса человеческой культуры, но и условие отмирания памяти, поскольку созданные в дописьменный период поэмы Гомера ориентированы на культуру запоминания. Кроме возникновения письменности, есть еще один важный процесс, лежащий у основания постепенной мутации культуры памяти в записывающую цивилизацию, — это процесс десакрализации текста.

Ю.М. Лотман, анализируя автокоммуникацию, выделяет ее важнейшие свойства, указывая, что порожденные ею тексты

— превращаются в штампы, тождественные со всем вечным и стабильным [1. С. 48];

— предполагают многократное прочтение [1. С. 48];

— фиксируют не события, а схемы организации сообщений, становясь синтагматическими и асемантическими, как мифы [1. С. 51];

Первые два из этих свойств можно отнести к сакральным текстам, какими были в древности мифы и сказки, противопоставленные массе оригинальных произведений и пассивности читателя современной цивилизации [1. С. 50]. Лотман говорит о большей статичности древней автокоммуникационной культуры и об активности ее членов.

В житиях встречаются упоминания о святых, которые знали наизусть всю Библию. Таков, например, преподобный Марк Постник, подвизавшийся в Нитрийской пустыне в V в. Есть упоминания о том, что знал Библию наизусть Иван Грозный. При всей своей статике сакральный текст создан для запоминания, поэтому обретае жизнь, подвижность и множественность восприятий верующих

при общей направленности церковного истолкования. В работе «Священное писание и Церковь» свт. Иларион Троицкий свидетельствует, что Евангелие — уступка падшей природе людей, не способных жить так, чтобы благодать Святого Духа писала на скрижалях сердец человеческих.

Первой реакцией на вступление древнегреческой культуры в эру накопления знаний и текстов станет рождение духа соревновательности, который позволяет ограничить круг сведений, сделать его запоминаемым, пусть и с трудом, хотя бы для избранных. Актуальная память сужается и большие пласты знаний уходят на периферию, в пассив.

Дух соревновательности внушал мысль выбирать лучшего из трех трагиков. Этот же дух унаследовала христианская цивилизация: когда просияли подвигами три вселенских учителя Церкви: святители Василий Великий (ок. 330—379), Григорий Богослов (ок. 325 — 389) и Иоанн Златоуст (ок. 347 — 14 сентября 407) — и начались споры между духовными чадами и последователями святых: кто из них лучше, то Церковь — после их явления в 1084 г. митрополиту Евхаитскому Иоанну — постановила чтить их память вместе, то есть 12 февраля (по н. ст.). Святитель Дмитрий Ростовский передает обращение святителей так: «Нет между нами ни первого, ни второго. Если ты ссылаешься на одного, то в том же согласны и оба другие. Поэтому, повели препирающимся по поводу нас прекратить споры, ибо как при жизни, так и после кончины, мы имеем заботу о том, чтобы привести к миру и единомыслию концы вселенной» [2. С. 433].

Сакральная память отказывается от избирательности. Даже накапливая знания и создавая иерархию ценностей, она исключает механизмы, запускающие процесс забвения: дух соревновательности; центростремительные силы, сосредоточивающие культурную жизнь в столице; создание пантеона деятелей культуры первого ряда, которые существуют словно в вакууме, вне живой культурной среды.

Кроме того, механизм забвения запускается культурным сломом, ярче всего выражающимся в учении о смерти, или в танатологии. Высший пантеон вытеснен христианской культурой, в скрипториях которой сохранены преимущественно те древние памятники, в коих появляются архетипы, наиболее ярко соотнесенные с христианскими логосами. Например, в трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде» зафиксировано сознание девушки, которая на алтаре в Авлиде пережила по воле отца, Агамемнона, смерть и воскресение, вызывающее в памяти историю Исаака, прообразующего в библейском сюжете, известном как жертвоприношение Авраама, — Самого Христа, с которым также соотнесен Прометей прикованный из одноименной трагедии Эсхила, так как ее герой страдает за то, что облагодетельствовал род человеческий, принеся на землю небесный огонь. На сломе эпох проявляется принцип избирательности памяти, нацеленный на то, чтобы помочь человечеству забыть все, что удерживает его в контексте язычества, и сохранить то, что помогает язычеству принять христианство.

Однако мировоззренческий слом, свидетельствуя о живучести предшествующей культуры, ставит нас перед проблемой невозможности забыть. Особенно живучим оказывается порождающий двоеверие низший пантеон, потому что быт, с которым он сросся, консервативен и меняется медленнее синхронического, то есть лидирующего в культуре мировоззрения, точнее быт — тоже является мировоззрением, но архаическим (или диахроническим) и выраженным на языке артефактов.

Мир как текст в творчестве Галины Пыльневой

Итак, если синхронический тип культуры устремляется к полюсу светскости и конкурентоспособности, запускающей механизм забвения, то диахронический тип культуры, срастаясь с бытом, устремляется к сакральному ее типу. В Советской России была уничтожена сакральность повседневного быта. Она осталась лишь в церковном обиходе, для которого Вера неотделима от культуры телесного вхождения человека в культ. Светской культуре забвения в целом противостоит сакральная культура Церкви. О том, что кажется преданным забвению светской культурой, теплится память

в контексте культуры сакральной, ибо эталонным носителем ее памяти является сам Господь.

Носительницей сакральной культуры была Галина Александровна Пыльнева, монахиня Варвара, в схиме мать Сергия (1936—10.03.2017). Галина Александровна еще девочкой впервые поехала в Сходню к прошедшему лагеря старцу иеросхимонаху Иннокентию (Орешкину) (1869/1870—1949), который, хотя из-за немощи брал в чада уже не всех, принял ее в духовные дочери и исповедовал вплоть до своей кончины. Спустя 68 лет Схимонахиня Сергия почил в один день с первым своим духовником — 10 марта 2017 года и покоится рядом с ним.

В христианстве духовная традиция не самозарождается, а передается от учителя к ученикам. О золотой цепи говорит св. Федор Студит, воспринявший опыт игумена и архимандрита Студийского монастыря — Саввы, стоявшего за иконопочитание на Втором Никейском соборе (787). Золотая цепь, или духовная традиция, которая связывает мать Варвару (Сергию) с подвижниками Святой Руси, позволила ей жить в ином времени и в иной России, сокровенной, гонимой, внутренней, которая оставалась по духу своему неведомой и невидимой для России Советской. Это был город в городе и страна в стране, которая приоткрылась нам благодаря многочисленным книгам матушки.

Схимониня Сергия (Галина Пыльнева), получившая имя в честь преподобного Сергия Радонежского, после пострига в великую схиму в 2016 г.

В 1953—1959 годах Галина Пыльнева училась в Московском текстильном институте. В «Глинской мозаике» она рассказывает, как, сдав летнюю сессию на первом курсе, от переутомления и усталости страдала бессонницей, поэтому тетушка, срочно взяв отпуск, повезла ее в начале июля на Украину — в возрожденную Глинскую обитель (1942—1961), куда Галина Пыльнева приезжала каждое лето с 1954 по 1959 год, вспоминая, что от обители остался только архиерейский корпус и больничный храм, посвященный празднику Воздвижения Креста Господня.

В очерке, стремящемся стать патериком, делается акцент на духовной жизни обители, насельники которой подвизались в крайней скудости, жажда богатства духовного, а не восстановления стен. В преодолении материальных интересов рождалась любовь и бескорыстие иноков.

Словно реализуя метафору Жака Деррида, а также Топорова — мир как текст, Галина Пыльнева узнает Украину сквозь призму творчества Шевченко, Гоголя, Куинджи, удивляясь тому, как ночью, таинственной и одухотворенной, «странно увидеть настоящую украинскую хату с маленькими окнами, крытую соломой, обмазанную глиной и выбеленную известкой» [10], как, например, на картине Архипа Куинджи (1842—1910) «Украинская ночь».

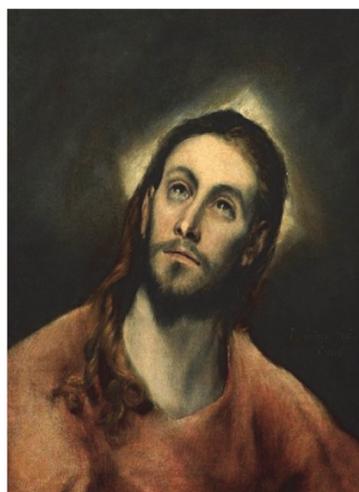
Куинджи, Архип Иванович. «Украинская ночь» (1876) [7]

Семиотика потемневшей иконы

Тема света, исходящего из тьмы, объединяет работы обрусевшего грека Куинджи и испанского художника, уроженца Крита, Эль Греко (1541—1614).

Возрожденческие шедевры не созданы для православных молитв, но картины Эль Греко, не заменяя ни в коем случае церковные образы, доносят память иконописной традиции. На потемневшей от времени иконе засиял обновившийся лик Христа. Только обновление на полотнах Эль Греко не чудесное, а рукотворное, сымитированное. Икона соотносится с картиной как чудесное обновление — с имитацией.

Этот образ Спасителя стал возрожденческим истолкованием лика Спаса с доиконоборческой иконы монастыря св. Екатерины на Синае.

Эль Греко. Христос в молитве (1595—1597) [14]

Эль Греко. Спаситель
(1608—1614) [3]

Образ Спасителя из монастыря
св. Екатерины на Синае

«Образ Спасителя из монастыря св. Екатерины на Синае — один из самых впечатляющих шедевров иконописи. Был написан, как принято считать, в Константинополе в середине VI века при императоре Юстиниане I и передан им в дар Синайскому монастырю, пользовавшемуся покровительством императора» [4].

Андрей Михайлович Голов связывал картины Эль-Греко с эффектом самосветящейся тьмы. Затворник и благотворитель Куинджи, как и Эль Греко, создает светящегося Спасителя, окруженного ночной полутьмой [11].

Но контрастнее всего свет, прорезающий тьму, появляется на картине Куинджи «Лунная ночь на Днепре», потемневшей вскоре после создания.

Иконы со временем темнеют, переходя от катафатического богословия (Господь — Свет, Истина, Любовь, выражающиеся в божественных энергиях, разлитых в мире) к апофатическому (Господь — Тьма, превышающая всякого человеческого разумение, трансцендентное, запредельное миру Бытие), явленному также в имени Спаса под титлом. Русская традиция написания слов под титлом близка древнееврейской письменности, в которой записывался преимущественно костяк согласных, свидетельствующий о сакральности знания, которое не должно быть осквернено полным называнием, обнажением истины. Потемневшая икона — культурный код, который реализуется в способности представить мудрость под прикрытием безумия, полноту знания — в виде невразумительного потока слов (в глоссолалиях, которые в апостольское время обретают силу многоязыкой проповеди), в юродстве.

Куинджи, Архип Иванович.
Христос в Гефсиманском саду (1901) [5]

Куинджи, Архип Иванович. Лунная ночь на Днепре (1880) [6]

Место юродства в семиотической системе культуры

Юродство есть в тех христианских странах, где встречаются потемневшие иконы, порождающие опыт бытового общения с апофатическим богословием. Первый русский юродивый — блаженный Прокопий Устюжский († 8.07.1303 по ст. ст.) — выходец из Пруссии. После разорения отца он прибыл в ганзейский град — Великий Новгород и принял Православие. Не оставивший по себе никакой памяти в Пруссии, он стал русским святым, приобщившись к важнейшему коду русской семиотической системы — к потемневшей иконе, которая выражает и формирует особенности сознательного и бессознательного в поведении человека. Сознательную устремленность к святости и бессознательное желание скрыть ее за внешним юродством и его падшим секулярным двойником — бунташеством.

Динамику его судьбы повторяет блаженная Ксения Петербургская: не осталось воспоминаний о ее молодости, но после смерти супруга она приняла на себя подвиг юродства, достигнув святости. Ею двигала любовь к почившему, ибо он умер без покаяния, и блаженная Ксения взяла на себя крест его грехов, чтобы очистить их собственным страданием, к которому приводит юродство. Внутренний мир святого — любовь и святость — прикрыты внешним безумием, мнимой духовной болезнью. А болезни воспринимались как следствие грехопадения Адама, то есть как следствие греха, а порой и влияния духов зла.

На иконе полнота бытия святого сокрыта потемневшими от времени красками, в житии юродивого святость спрятана под внешним, напоказ, безумием и грехом.

В семиотической системе культуры связаны все элементы и целое повторяется частью. Целое — это космическая тьма, это мир во грехе, который, как пелена, окутывает тьмой творение. Часть, символизирующая сущность вселенских процессов, — периоды революций в истории человечества, которые тоже являются целым, частью коего, символизирующей и его, и его способность к обновлению становятся потемневшие иконы и святость под спудом внешнего юродства, свидетельствующего о свете на языке тьмы, к которому привыкло больное сознание современников святого. Его показное безумие имеет не только внутренние детерминанты (желание скрыть свой подвиг), но несравненно более важные детерминанты внешние — желание заговорить о святости на языке мира, но мир во зле, мир безумен, поэтому безумен и язык жестов и поступков, а не только слов юродивого.

Целое — это огненное сошествие Святого Духа в Троицу, которое предсказывает чудо обновления вселенной, однако не всей, а только святых, но не космической тьмы. Часть, указывающая на целое, — это реставрация духовных ценностей после революций, а в свою очередь ее частью, указывающей на сущность целого, становится обновившийся иконографический образ и признанная святость юродствующего подвижника. В контексте катафатического богословия потемневшая икона и подвиг юродства — символы вселенной во тьме, космической ночи. В контексте апофатического — они указывают на непознаваемость Творца. Таким образом, человеческая культура является частью вселенной и сохраняет ключи к ее пониманию (ср. катафатическое Богословие), но она же является частью замысла Творца о творчестве своего творения и сохраняет ключи к постижению Его непостижимости (ср. апофатическое Богословие).

Г.П. Федоров в труде «Святые Древней Руси» сравнивает юродивого с Иванушкой-дурачком. Юродивый и Иванушка соотносятся друг с другом как Логос и архетип. Как Иван преобразится в мужа царевны, так под безумием юродивого просияет святость. Апофатическое богословие в потемневших красках иконы лежит в основе чисто русской любви к блаженным и блажененьким. Подобными примерами наполнена книга Ивана Прыжова «Юродивые и кликуши».

Логос юродства соотнесен с Божественным кенозисом, ибо Господь «уничтожил [εκένωσεν] Себя Самого, приняв образ раба...» (Фил. 2:7). Его архетипическим, или падшим, двойником стал Дионис. Среди свойств, связующих сакральный Логос юродства с его архетипом, назовем причастность к смеховой культуре, точнее — к разным ее видам; мотив винопития и помутнения рассудка; нахождение. Дионис выражает первобытное алкание истины, обретшее полноту в Логосе юродства. А винопитие — теневое истолкование логоса Причастного Вина. Архетипы как двойники Логосов утратили зерно благодати с приходом христианства, которое хотя и в искаженном виде, но предваряли, а ныне стали деструктивными.

Космос как самостоятельная семантическая единица

«Лунная ночь на Днепре», потемнев, разделила судьбу икон. Но на обновившейся иконе вновь засиял Свет, и семантика иконы стала иной: космосу и тьме мира во грехе противостоит Спас. Такова же семантика иконы Сошествия Духа Святого на апостолов: языки пламени почивают на главах апостолов, которым противостоит символическая фигура темного космоса, что внизу. Хотя апостольское служение связано с образом обновившейся иконы (катафатическое (утвердительное, положительное) богословие), а юродство — потемневшей (апофатическое (отрицательное)), эти два подвига сходятся как противоположности. Когда апостолы заговорили на разных языках, их признали пьяными. Узкому человеческому сознанию чужды и смешны как глоссолалии апостолов, с их явной благодатью, так и сокровенное служение юродивого. Но юродивый сам притворяется пьяным, а апостол оправдывается, уверяя, что в три часа дня (по-нашему около девяти утра) апостолы не могут быть пьяны (Деян.: 2, 15).

Сайт иконописца Петра Нефедова.
Сошествие Святого Духа на апостолов —
икона из праздничного ряда
храма на о. Городомля на озере Селигер.
URL: <http://petr-icons.ru/icon/018.html>
(дата обращения: 29.05.2019)

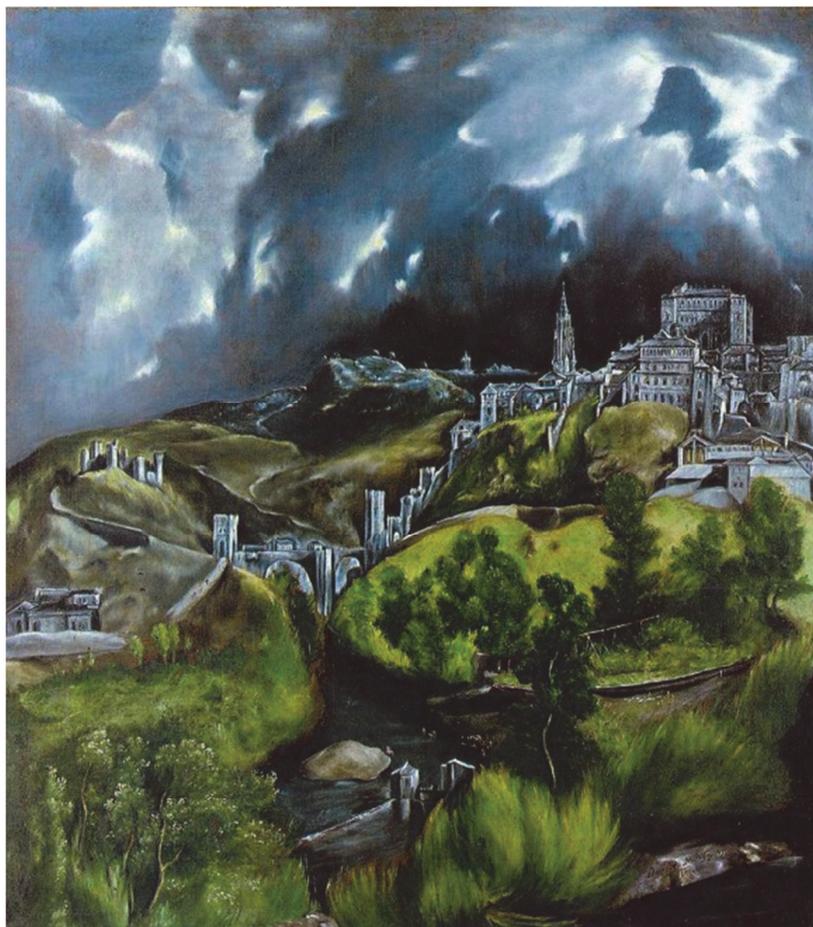

Пятидесятница.

Кирилло-Белозерский историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник XV век: URL:
<https://pravoslavie.ru/sas/image/100607/60751.b.jpg?1466191240>
(дата обращения: 29.05.2019)

Работы Эль Греко и Куинджи сохраняют память о чуде обновления. Темный фон — это память о темнеющих красках на левкасе. Но, кроме того, это и символ грехопадения мира, всей твари в нем, всего космоса, не просвещенного светом Христовой Истины. На праздник Троицы обновилась не вся тварь, но власть над первородным грехом получил лишь человек: только апостолы пребывают в пламени, а весь мир по-прежнему погружен во тьму и действительную, и символическую, то есть в тьму греха, поэтому фигура, обозначающая космос на иконе Троицы, изображена на фоне греховной ночи, представленной также покрывалом в руках космоса. Космический смысл тьмы картинного пространства почувствовал И.В. Долгополов около картины Эль Греко «Вид города Толедо».

«Впервые я зримо ощутил, осязаемо почувствовал реальность движения нашей планеты в Космосе. И это ощущение громадности пространства, непостижимости, необъятности мира, вселенной, окружающей нас, уже не покидало меня... Как ничтожно мал человек, как бы потерявшийся в этих просторах! Вот он бродит по пустынным дорогам, переплывает на белом коне быстрюю реку... Истинно не люди, а лишь черви малые, затерянные человечки, копошатся в этом гулком,

Эль Греко «Вид города Толедо»

летащем в бездне галактики мире. Никто до Эль Греко и, пожалуй, никому, кроме позднего Ван Гога, не удалось с такой безнадежной ясностью ощутить всю трагическую суть конечности бытия рода человеческого, его обреченность и подвластность грозным стихийным силам.

С неистовой, неодолимой стремительностью продолжала полет наша Земля в аспидно-черных провалах Вселенной, и не небо, а зияющую бездну Космоса ощущал я в прорывах седых туч...» [7].

Потемневшая икона соотносима с космической тьмой, которая в день Троицы засияла благодатью, принявшей образ языков пламени. В момент их сошествия на апостолов вселенная, подобно иконе, начала обновляться, а космическая тьма отступать.

Упоминание о Куинджи в книге Галины Пыльневой свидетельствует об архетипическом родстве их художественных миров. Она тоже жила среди тьмы советского времени: «...я помню первые свои годы у тетушек... Они разговаривали вполголоса, оберегая меня, чтобы я этого не слышала. Я делала вид, что сплю, но мне, конечно, было интересно, о чем они говорят — в детстве все интересно. И они говорили: у такой-то мужа взяли, у такой-то брата, у кого-то сослуживца... Люди исчезали, чаще всего по ночам, и я чувствовала, какое напряжение было

у тетушек, особенно ночью, если какие-то стуки, звук подъезжающей машины... Сразу напрягались так, в окно смотрели... Ждали всё. В такое время поумнеешь быстро и соображать будешь четко: что можно говорить, чего нельзя говорить, что можно спросить, чего лучше не спрашивать» [8].

Тьму духовной ночи прорезает свет от житий современных подвижников. Мотив обновления и восстановления обителей (Глинской пустыни, Троице-Сергиевой лавры) и дневниковая фрагментарность при описании их жизни характерны для поэтического мира Галины Пыльневой: рассказывая о многообразном опыте переживания Пасхи в концлагерях, в лепрозории, в старинных дворянских семьях, писательница продолжает выкладывать мозаику.

В «Глинской мозаике» поэтический образ обители, живущей так, словно денег не существует, рождается из кружева слов, включающих инклюзы неупотребительных, прорезающих тьму забвения. Храм назван двухсветным, то есть с окнами в два ряда — один над другим (или напротив друг друга). В электронной антологии «Русская литература от Нестора до Маяковского» это слово в вариантах «двухсветный» и «двухсветный» использует только Булгаков в шестой главе романа «Белая гвардия», когда речь идет об актовом зале знаменитой киевской гимназии, где разместились 200 юнкеров, 120 из которых не умеют стрелять (то есть действие происходит тоже на Украине). «Иеромонаха» Галина Пыльнева именуется «священноиноком» — это слово встречается в 11 главе Сказания Авраамия Палицына, в которой повествуется о видении огненного столпа над Троицким храмом Троице-Сергиева монастыря (ныне лавры), — что видел священноинок Пимен во время осады.

Космическая ночь в художественном мире Галины Пыльневой соотносима и со тьмой советской атеистической системы, и именно в эту тьму мира — на символическом языке в тьму космоса — выходят на подвиг юродивые, живущие в шуме города, а часто среди блудников и убийц, веря, что и они достойны спасения.

Миссия юродивого в космической тьме

Юродивый вступает в поединок с падшей природой мира в целом, он смеется миру, или над миром, бросает вызов не просто городу, но космической ночи. Если преподобный очищает свою душу, несет крест покаяния за личные грехи, помогая всем, кто к нему обратится, то юродивый возлагает на свои плечи тьму мира в целом, грехи ближних и дальних, обличая и спасая которых он вызывает всеобщий смех.

Из писателей христианской Европы ближе всего к идее юродства, точнее священного безумия, подходит в «Похвале глупости» Эразм Роттердамский, возвеличивающий его в третьей части своего труда, говоря, что божественные тайны раскрываются лишь в состоянии духовного опьянения, экстаза, священного безумия. Духовный экстаз без отсутствующего в Западной Европе учения о состоянии прелести, в котором подвижник может принять тьму за свет, а зло за добро, опасен, так как легко порождает безумие, причем совсем не священное, — множество примеров тому приводит Марк Орлов в исследовании «Сказания и легенды средневековой Европы». Православное противоядие от состояния прелести — смирение, запечатленное в потемневших иконах — ибо грешному человеку при-

стально смотреть на иконописных святых — дерзостно — иконы не рассматривают, перед ними предстоят, склонив голову. Потемневшая икона — материализованный призыв к смирению и трезвению, не позволяющий впасть в прелесть и гордость. В семиотической системе культуры все взаимосвязано: созерцание потемневших икон психологически рифмуется со смирением, учением о состоянии прелести — с явлениями, противостоящими религиозному экстазу Европы.

Возвращаясь к теме священного безумия, отметим, что Православие противопоставляет католическому экстазу Терезы Авильской юродство Христа ради.

Первой юродивой стала византийская святая Исидора (ум. в 365), но ее подвиг нетипичен, ибо юродивые чаще подвизаются не в монастыре, а в городе, не имея дома, пропитания, а порой даже одежды, воцерковляя и очищая нагоходством языческий дионисизм.

Георгий Федоров замечает, что подобно тому, как на смену доброму молодцу в русских сказках приходит Иванушка-дурачок, так эпоха благоверных князей в русской истории сменяется эпохой юродивых, которые становятся преемниками святых князей в социальном служении: достигнув бесстрастия, некоторые иноки возвращаются в мир, ибо их цель теперь не только бороться с личной склонностью ко греху, сколько смеяться (ругаться) над законами человеческой природы (св. Симеон Юродивый (VI) отправляется мыться в женскую баню) и мира (в XIV в юродивые Никола Кочанов (жил в Новгороде на Софийской стороне) и Федор (с Торговой стороны) пародировали битвы софийского и торгового веча, сходясь в поединке на волховском мосту). Юродивый отрекается от своего ума, и своим безумным поведением свидетельствует о безумии мира, и учит бороться за небесное, а не за земное. Юродивый кажется безумным в безумном мире, чтобы как зеркало отразить абсурдный мир, тем обличив и исправив его.

Юродство — единственный тип святости, освящающий смех. Типологической особенностью житий юродивых становится трансформация абсурдно-смешного в Истинное и Благодатное: юродивый смеется над миром, а ум его пребывает в покое и благодати.

Самое непобедимое, что побеждает юродивый в природе человека — это тщеславие. Прокопий Устюжский (+ 1303) познал всю тщету своего существования настолько, что воскликнул, что им гнушаются даже псы, среди которых он, нагой, хотел согреться в лютую стужу, а они вскочили и убежали.

Он отрекся от всего земного, даже от своего земного ума, поэтому его ум отражает благодатную Истину, которая кажется миру безумной (так, юродивый может целовать двери дома блудницы, объясняя, что к ней прижался ее ангел-хранитель, вытесненный из дома, где лютуют блудные бесы, — и бросать камнями в церковный крест, ибо в храме царит святость, а вся нечисть вытеснена за пределы храма и вьется везде, даже у креста — примеры приведены из жития св. Василия Блаженного). Отрекшись от себя, от всякого греха и прихоти в себе, юродивый живет ради Бога и спасения безумного мира. В отличие от Преподобного пустынножителя, он — святой экстраверт, готовый спуститься в самую гущу бед человеческих, даже в мир городского дна и порока, и освятить его своей молитвой и ревностной любовью, которая внешне может показаться странной блажью юродивого (св. Симеон спасал блудниц, объявляя их своими «женками», выделяя

им содержание из собранной им милостыни и грозно ревновал к измене). Но его ум и прозорливость всегда прикрыты безумием Христа ради, ибо он подражает Христу в спасении мира и преобразении природы человека из страстной в бесстрастную, поэтому это высшее служение прикрыто смиренным безумием.

Юродивый — воплощенная духовная свобода, ибо он оставил все, даже ум — Христа ради — и ему нечего терять и некого бояться. Юродивый воплощает народную мечту о простолюдине, свободно общающемся с царем. Св. Николай Псковский (+1576) в 1570 г., во время похода опричного войска на Псков, угощал Ивана Грозного куском мяса, тот отказался: была первая неделя Великого поста. На что юродивый заметил, что лучше в пост есть мясо, чем человечину — и тем спас Псков от погрома, как то случилось с Новгородом. Фигура Ивана Грозного тоже подобна потемневшей иконе, ждущей своего обновления.

Юродство — самое яркое воплощение идеала свободы в христианстве, ибо это свобода не только от личного греха, но и от греховных склонностей самой человеческой природы (вспомним св. Симеона с его походами в женскую баньку). Юродство — вера в возможность преобразить космическую ночь и падшую природу человека и всего мироздания, прорезав их благодатью.

Покой и воля в семантических системах романтизма и христианской культуры

Если у Пушкина покой и воля — еще не само счастье, то Галина Пыльнева ощущает его именно как свободу и покой, ибо ей открылся «мир такой глубокой внутренней тишины и невыразимого покоя, которого больше не дано было нигде» [9].

Разница в переживании свободы в романтизме и в христианстве основана на том, что христианский логос свободы и покоя наиболее полно явлен в образе субботствования Спасителя, который также был увит пеленами, как и Лазарь Четверодневный. Пелены символизируют связанность греховной природы человека, его страстной плоти. **Когда дисциплина связывает пеленами грех, рождается духовная свобода.**

<http://ruicon.ru/images/iconografy/fresco/Serbia-Pech%20Patriarshia/304-2.jpg>
(дата обращения: 29.05.2019)

Запрет как базовое условие существования семиотической системы культуры

Покой и свобода, обретенные Галиной Пыльневой в монастыре и основанные на строгой дисциплине, покажутся романтику типа Мцыри тяжким рабством, потому что связаны с трудами и послушаниями в монастыре, сном по четыре часа, продолжительными службами. Романтический и монашеский тип свободы противопоставлены друг другу благодаря мотивам бегства — и добровольного возвращения (в данном случае каждое лето в Глинскую обитель), своеволия — и пленения плоти пеленами, освобождающими дух; как ветхий Адам — и Новый. Духовный тип свободы воспет А. Толстым в поэме «Иоанн Дамаскин».

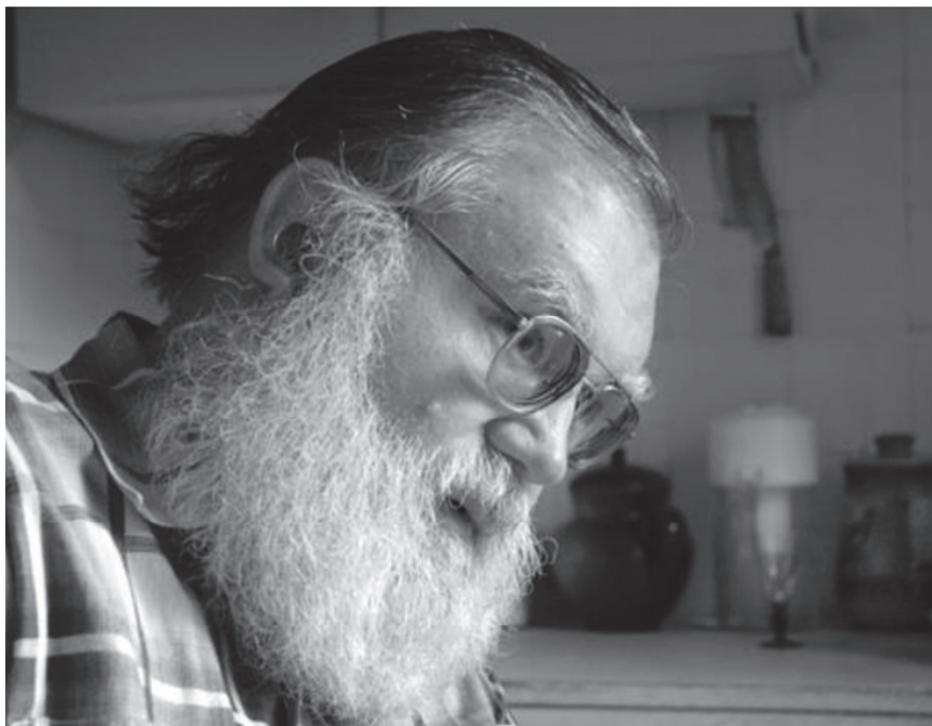
Монастырская жизнь, ставшая для Галины Пыльневой воплощением свободы — даже от чудес, прорастает ими: нерукотворный образ Спаса, вернувшийся в обитель из дореволюционных времен, ждет случая, — как это бывало в старину, — заскрипеть, чуть слышав пустословие. Но наибольшее чудо — это сами старцы, сохранявшие дореволюционные традиции окормления и воспитания и удивлявшие бескорыстием и искренностью. Вот они: о. Серафим — духовник, и о. Андроник. Они смиренно и радостно принесли орлецы, дикирий и трикирий и быстро и толково справились с приготовлениями к архиерейской службе, так как молодые послушники не знали, как встречать пастыря. Вот о. Адриан, которому быки жаловались, если их бьют — и он понимал их, общаясь с животными как Адам в раю, видя их насквозь.

Культура рождается вместе с запретом. Если Бога нет, то все дозволено, — перефразирует Сартр Достоевского. Запрет — это имманентное присутствие Творца в культуре, ибо, переиначив Сартра, получаем — если не все дозволено, то Бог есть. Запреты на наготу и сыроядение — древнейшие в культуре, когда юродивый их нарушает, кажется, что он отвергает самую культуру, считая, что все человеческое соткано из одних предрассудков. Это отрицание культуры как сосредоточия предрассудков роднит юродивого с русским бунташным духом. Юродивый спеленат заповедями и обременен земными крестами — он потому и свободен духом, что обременен. Русский бунташный дух тоже ниспровергает запреты, но не ради духовной свободы, а ради вседозволенности, страстности, следования всем искушениям. Юродство и бунташество — это сакральный и секулярный символы космической тьмы.

Поединок памяти и забвения в культуре

Подобно Галине Пыльневой, свидетелем жизни праведника — священномученика Иллариона (1869—1949) — стал Николай Борисович Кирьянов (1902—1988), посвятивший ему стихи «„Памяти архиепископа Верейского Иллариона“<...>

Ушел от меня ты на раннем закате,
До дна не истратил кипучести сил...
Не нас ли с тобой преподобный Савватий
За Светлой Заутреней лаской кропил... (1929 г.)

Андрей Голов (1954—2008)

<...> Здесь же, на Соловках, в 1924 году и с 1926 по 1929 год, отбывал свой срок и архиепископ Иларион (Троицкий), о котором в воспоминаниях протопре-свитера Михаила Польского сказано следующее: «Он просто отдавал все, что имел, что у него просили. Своими вещами он не интересовался. Поэтому кто-то из милосердия должен был все-таки следить за его чемоданом. И такой послуш-ник находился у него и в Соловках». Этим «послушником» заключенного архи-епископа стал Николай Кирьянов» [12. С. 96—99].

Свидетельство о живом праведнике сохраняет стихотворение А. Голова «Дьячок»:

Горбатенький седобородый дьячок,
Родившийся еще при последнем царе,
Протянул мне крашеное яичко
(Была Фомина неделя),
Сияя такой ослепительной радостью,
Какую мне, наверное, не испытать никогда,
И тихонько сказал:
— Христос воскрес!
И, поклонившись, тихонько пошел на паперть,
На вывернутую ногу прихрамывая... [2].

Воспоминания Г. Пыльневой о Глинской обители и лирические дневники А. Голова и Н. Кирьянова подобны частично обновившимся иконам: крупницы памяти, тонущие во тьме забвения, становятся метонимией ее полноты.

Во время службы в обители всегда читали, но тьму забвения прорезал единственный всполох памяти, в которую врезалось лишь одно: «О. Иосиф читал: „Мы не можем запретить птицам летать над нашей головой, но мы можем и должны не позволять им вить на ней гнездо“» [9]. Это образное сравнение помогает бороться с помыслами. Перед нами единственная цитата из ежедневных чтений, что отражает меру, которую может понести человеческая память, ибо если она слишком перегружена реалиями, то созданное ею художественное пространство тоже кажется юродствующим, например, Андрей Голов творит так, словно икона памяти никогда не темнела, или обновилась полностью, но насыщенность памятью делает его стихи также апофатическими.

Причастность лагерной теме позволяет вспомнить имя матушки Руфины, о которой написала инокиня, пожелавшая не назвать своего имени и хранящая ее молитвослов, как Ноев ковчег с ее записями: «Схимонахиня Руфина. Свято-Михайловский монастырь, г. Одесса. Далее перепечатаваю слова матушки: „Папа умер в 1949 г., на Пасхальной неделе, было ему 105 лет. Из ссылки он пришел 40 году, ему тогда было 98 лет. Мамочка была против папы очень молодая. Судьба... Беда... аресты... расстрелы... Заставили папу жениться на маме моей ему нельзя было женица. Он иеромонах был; но его по благословению отца Иоанна Кронштадтского, Юны Одесского заставили спасти маму, и ея маму и сестру от расстрела. Она была непразной. Мы с сестрой были как близнецы. Это я все которое узнала, ибо все скрывали. Беда была на свете. Записала подвиги папы и мамы, что узнала. Папочка уже был старше очень против мамочки, и я нашлась. Папочка все покрыл и удочерил меня и сестру, стал отцом. Женился, венчали. Страдания были великие им, ей... Царского сановника, а ея мужа, расстреляли. Она непразная. Мама умерла на Введение во Храм Пресвятой Богородицы, рано утром 1972 года, на 85-м году жизни. Подвижница большая. Папу арестовали в 1925 году. Я родилась 22 года. Мне было 3 года, как папу арестовали. В 40-м году папа вернулся из ссылки на 98 году. Я родилась 22 года 8 февраля. Это правильная дата, в паспорте я моложе. Ибо хотели забрать в Греманию и меня тоже, как сестру мою забрали, а родители старые... и сделала мамочка меня моложе, 28 года 8 февраля, чтобы не забрали в Германию и меня. 3 года мне было как папу забрал черный ворон съ Одессы я... Много видели мы, Слава Богу за все... Вот такие были мои родители. Мама — Лехачева Марфа или Павлова. Папа — Канчура Афанасий. Дом Павловых на Куликовом поле в г. Одессе. Братия папы крупные купцы 1-й гильдии. Леонтия сразу расстреляли 17-м году. Вот так: бедный — в рубле, царь — в порфире, — обратятся оба в прах. Богатство не стоИт: и слава человеческая мимо идет. Где звание рода? Дворяне. Все суета сует. Небом наДа мне плениться (пленица) и во веки с Богом жить. Верой в Бога утешаться и во всем Его любить, а все мiра сего прах, обман и суета временная. <...> каждый должен заботиться о своих душевных недугах, каждый должен оплакивать грехи свои, не зазирая ближняго! <...> Я уже старенькая и молитвослов мой старенький, как и я. 84 года мне. Все пролетело стрелой. Боже мой прости и помилуй. Схимонахиня Руфина.“

Прилагаю фото с пострига матушки. Она крайняя справа, от нас, радостная».

Заключение

Механизм забвения поясняет потемневшая икона. Актуальная память (подобно новописанной иконе) удерживает лишь краски настоящего дня, а стоит им отойти в прошлое — все покрывается тьмой забвения. Но потемневшая икона — это апофатическое свидетельство непостижимости Творца.

Подобно иконе, солнечная картина повседневности, отдаляясь во времени, темнеет. Космическая ночь — это целое, отражающееся по законам семиотической системы в каждой из значимых ее частей, таких как беспамятство, или потемневшая икона, или юродство, свидетельствующих о большем, чем они есть.

В контексте апофатического богословия беспамятство — это человеческий **кенозис**, то есть истощение образа Божьего в человеке, это безумие, ибо Творец — носитель абсолютной памяти. Но в контексте катафатического богословия беспамятство — гениально, точнее оно становится гениальным свидетельством непознаваемости Творца и Его творения, в том числе и истории, поскольку оно утверждается и становится универсальным свойством человеческой культуры и даже ее защитным механизмом в условиях **плеромы**, или полноты вселенского и Божественного бытия. Забвение хранит тепло рук своего Отца и отражает Его тайну, но на языке метафор и непрямых соответствий, то есть архетип беспамятства человечества восходит к Логосу Непознаваемости, символом которой в трудах св. Дионисия Ареопагита становится Божественная тьма.

Итак, в беспамятстве сходятся гениальность и безумие, как в юродстве святость и кажущийся эпатаж. Архетип безумной гениальности восходит к юродству, как заблуждение к истине.

Забывшие тексты — целое, представленное в современной культуре гомеопатически малой частью памяти о них, которая символизирует целое, излечивая

его от самого себя, то есть превращая беспамятство в апофатический символ полноты памяти. Аналогом русской революции в Византии стал экуменический Ферраро-флорентийский собор (1438—1445). Так умер Второй Рим и укрепился Третий. Русский бунташный дух — это секулярный двойник святого юродства. Советская богоборческая система и ее преодоление — возможности, заложенные в самую сущность русской семиотической системы, частью которой является потемневшая икона, потенциально сохраняющая возможность обновления, и юродство, реализующее идею неявленной святости.

Подобно тому как часть раскрывает сущность целого, так целое семиотической системы является ничтожно малой частью космоса и рассказывает о нем на языке культурных кодов. Богоборческое умопомрачение советской системы — часть, указывающая на космическую ночь, которая ждет обновления в таинстве сошествия Святого Духа на апостолов, в результате которого обновилась гомеопатически малая часть мироздания — апостолы, но эта часть символизирует потенциал обновления всего мира. И юродивый становится ответом на «запрос на воплощение семиотически заданных тенденций» [10. С. 496] — на запрос о преодолении космической тьмы и беспамятства.

Библиографический список

1. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. СПб.: Азбука, 2015.
2. *Ростовский Димитрий, Святитель.* Собор трех великих вселенских учителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого. Память 30 января // Святитель Димитрия Ростовский. Жития святых. Январь. Часть Вторая. М.: синодальная типография, 1994. С. 432—435. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/zhitija-svjatykh/103 (дата обращения: 19.04. 2019).
3. *Эль Греко.* Спаситель (1608—1614). Режим доступа: <https://static1.squarespace.com/static/54a8ea9ae4b0d1cd06f46bba/t/569aee8ab20943556a8bd1b2/1452994188783/> (дата обращения: 12 мая 2019).
4. Спаситель. Синайский образ (VI). Режим доступа: <https://pravoslavie.fm/bogoslovie/rochemu-na-ikone-spasa-sinajskogo-pris/> (дата обращения: 3 июня 2019).
5. *Куинджи А.И.* Христос в Гефсиманском саду. 1901. Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Христос_в_Гефсиманском_саду_\(картина_Куинджи\)#/media/File:Kuindzhi_Jesus_Christ_1901.jpg](https://ru.wikipedia.org/wiki/Христос_в_Гефсиманском_саду_(картина_Куинджи)#/media/File:Kuindzhi_Jesus_Christ_1901.jpg) (дата обращения: 13 мая 2019).
6. *Куинджи А.И.* Лунная ночь на Днепре. 1870. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Лунная_ночь_на_Днепре#/media/File:Kuindzhi_Moonlit_night_on_the_Dnieper_1880_grm_x2.jpg (дата обращения: 13 мая 2019).
7. *Долгополов И.В.* Эль Греко // Мастера и шедевры в 3 тт. Том 1. М., 1986. Режим доступа: <https://litresp.ru/chitat/ru/Д/dolgopолоv-igorj-viktorovich/mastera-i-shedevri-t-1/8> (дата обращения: 3 июня 2019).
8. *Гарковенко О.* Один из белых платочков // Журнал «Православие и современность». 2011. 18 (34). Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Varvara_Pylneva/odin-iz-belyh-platochkov/ (дата обращения: 12.05.2019).
9. *Пыльнева Г.* Глинская мозаика. М.: Паломник, 1997. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Varvara_Pylneva/glinskaja-mozaika/ (дата обращения: 12 мая 2019).
10. *Загуменнов А.В.* Церковный раскол XVII века как «намекаемое» содержание: к постановке проблемы когноминации события в культуре (на материале текстов первой половины семнадцатого столетия) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 2. С. 493—498. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-493-498.

11. Голов А.М. Дьячок / Пасха // Топос. Режим доступа: <http://www.topos.ru/article/poeziya/pasha> (дата обращения: 29 мая 2019).
12. Кирьянов Н.Б. Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего... // Волны времени. Соловки в русской поэзии. Архангельск: ООО «Типография А4», 2018. С. 96—99.
13. Эль Греко. Христос в молитве (1595—1597) Режим доступа: <https://i.pining.com/originals/a3/e6/80/a3e680c9204441be0ed13696e8a14080.jpg> (дата обращения: 12 мая 2019).

References

1. Lotman, Yu.M. (2015). Inside the thinking worlds. St. Petersburg: ABC.
2. Rostovsky, Demetrius, Saint. (1994). The Cathedral of the three great ecumenical teachers of Basil the Great, Gregory the Theologian and John Chrysostom. Memory January 30 // St. Demetrius of Rostov. Lives of the saints. January. Part two. Moscow: Synodal printing house. pp. 432—435. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/zhitija-svjatykh/103 (accessed: April 19, 2019).
3. El Greco. Savior (1608—1614). URL: <https://static1.squarespace.com/static/54a8ea9ae4b0d1cd06f46bba/t/569aee8ab20943556a8bd1b2/1452994188783/> (accessed: May 12, 2019).
4. The Savior. Sinai image (VI). URL: <https://pravoslavie.fm/bogoslovie/pochemu-na-ikone-spasasainayskogo-pris/> (accessed: June 3, 2019).
5. Kuindzhi, A.I. (1901). Christ in the Garden of Gethsemane. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Christos_in_Gefsimansky_sadu_\(Picture_Kuindzhi\)#/media/File:Kuindzhi_Jesus_Christ_1901.jpg](https://ru.wikipedia.org/wiki/Christos_in_Gefsimansky_sadu_(Picture_Kuindzhi)#/media/File:Kuindzhi_Jesus_Christ_1901.jpg) (accessed: May 13, 2019).
6. Kuindzhi, A.I. (1880). Moonlit night on the Dnieper. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Dunny_Moonlit_night_on_the_Dnieper_1880_grm_x2.jpg (accessed: May 12, 2019).
7. Dolgoplov, I.V. (1986). El Greco In *Masters and Masterpieces* in 3 vols. Vol. 1. Moscow. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/Д/dolgoplov-igorj-viktorovich/mastera-i-shedevri-t-i/8> (accessed: June 3, 2019).
8. Garkovenko, O. (2011). One of the white handkerchiefs. Orthodoxy and Modernity Magazine. no. 18 (34). URL: https://azbyka.ru/otechnik/Varvara_Pylneva/odin-iz-belyh-platochkov/ (accessed: 05/12/2019). (<http://pstgu.ru/news/smi/2011/05/18/29948/>).
9. Pylneva, G. (1997) Glinsky mosaic. Moscow: Pilgrim. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Varvara_Pylneva/glinskaja-mozaika/ (accessed: May 12, 2019).
10. Zagumennov, A.V. (2019). The 17th century church schism as a “hinted” content: to staging problems of cognition of an event in culture (based on the texts of the first half of the century), *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (2), 493—498. DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-493-498.
11. Golov, A.M. Clerk In *Easter. Topos*. URL: <http://www.topos.ru/article/poeziya/pasha> (accessed: May 29, 2019).
12. Kiryanov, N.B. (2018). God bless the soul of your dead servant ... In *Waves of time. Solovki in Russian poetry*. Arkhangelsk: LLC A4 Printing House. pp. 96—99.
13. El Greco. Christ in prayer (1595—1597) URL: <https://i.pining.com/originals/a3/e6/80/a3e680c9204441be0ed13696e8a14080.jpg> (accessed May 12, 2019).

Сведения об авторе:

Герасимова Светлана Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и истории литературы Высшей школы печати и медиаиндустрии Московского политехнического университета. SPIN-код: 4006-9266; e-mail: metanoik@gmail.com.

Information about the author:

Svetlana V. Gerasimova, Ph.D. in Philology, Associate Professor, Department of Russian Language and Literature History of the Higher School of Press and Media Industry of the Moscow Polytechnic University; e-mail: metanoik@gmail.com